

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»: КАК ОДНА ПЬЕСА СТАЛА СИМВОЛОМ ЛЮБВИ.

«Ромео и Джульетта»: как одна пьеса стала символом любви.

Бобохонова Махлие Бахтиер кизи

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики

maxliyo313@gmail.com

Окбоева Ширин Абдураемовна

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики

oqboyevashirin5@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается процесс превращения трагедии Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» из литературной обработки ренессансных новелл в универсальный культурный символ романтической любви. На основе текстологического анализа, сравнительного изучения источников и обзора ключевых адаптаций (в кино, театре, литературе) выявляются факторы, обеспечившие пьесе статус архетипического нарратива. Особое внимание уделяется новаторству Шекспира в сжатии времени, психологизации персонажей и изменении финала, что позволило истории выйти за пределы своего времени и стать интернациональным культурным кодом.

Ключевые слова: Уильям Шекспир, «Ромео и Джульетта», символ любви, источники сюжета, адаптации, культурная память, Артур Брук, текстология.

Abstract: This article examines the transformation of William Shakespeare's tragedy Romeo and Juliet from a literary adaptation of Renaissance novellas into a universal cultural symbol of romantic love. Using textual analysis, comparative study of sources, and a review of key adaptations (in film, theater, and literature), the factors that ensured the play's status as an archetypal narrative are identified. Particular attention is paid to Shakespeare's innovation in compressing time, psychologizing characters, and altering the ending, which allowed the story to transcend its time and become an international cultural icon.

Keywords: William Shakespeare, Romeo and Juliet, symbol of love, plot sources, adaptations, cultural memory, Arthur Brooke, textual criticism.

Введение. Фраза «Ромео и Джульетта» давно перестала быть просто названием пьесы елизаветинского драматурга. Она превратилась в метафору самой сильной, самоотверженной и одновременно трагической любви, понятную в любой точке мира. Но каким образом история двух веронских подростков,

написанная более четырёх веков назад, смогла занять центральное место в мировой культуре? Ответ кроется в том, как Шекспир переработал заимствованный сюжет, какие структурные решения принял и как последующие поколения продолжали «присваивать» эту историю, каждый раз открывая её заново.

1. От новеллы к пьесе: как Шекспир «изобрёл» вечную историю

У «Ромео и Джульетты» были предшественники. Сюжет о враждующих семьях и погибших влюблённых восходит к новелле Луиджи да Порто (1524), затем к более популярной версии Маттео Банделло (1554), а в Англии — к поэме Артура Брука «Трагическая история Ромео и Джульетты» (1562). Именно поэма Брука стала для Шекспира главным непосредственным источником [1, с. 272].

Однако Шекспир не просто переложил поэму на драматический язык. Он кардинально изменил её тональность. Если Брук в духе средневековой дидактики осуждает героев за непослушание родителям, то Шекспир смещает фокус на социальный конфликт и силу чувства, которая оказывается выше семейной вражды. Кроме того, Шекспир:

- **Сжал время действия** с девяти месяцев (у Брука) до пяти дней — это создало эффект неумолимого рока, где каждая минута работает против героев [4, с. 16];
- **Ввёл новых персонажей** — Меркуцио, патера Лоренцо, кормилицу, которые стали не просто статистами, а носителями разных точек зрения на любовь, дружбу и долг [3, с. 24–25];
- **Переписал финал** — у Брука семьи не примиряются, у Шекспира же враждующие отцы Монтеки и Капулетти жмут руки над телами детей, придавая трагедии общественное звучание: гибель невинных становится уроком для всего города [5, с. 389–390].

Эти изменения превратили занимательную новеллу в универсальную историю о том, как внешние обстоятельства (ненависть, ритуалы, случайность) уничтожают самое чистое чувство.

2. Поэтика контрастов: как язык создаёт символ.

Одной из причин, по которой пьеса стала символом любви, является её язык. Шекспир строит текст на системе ярких контрастов: свет — тьма, любовь — ненависть, судьба — свобода воли. Ромео называет Джульетту «солнцем», способным превратить ночь в день (II, 2). В момент венчания патер Лоренцо произносит знаменитую формулу: «Столь страстная любовь к добру и злу приводит с той же быстротой» (II, 6). Эти оппозиции создают смысловую

ёмкость: любовь здесь не просто чувство, а сила, способная преодолеть социальные и даже онтологические границы [7, с. 56].

Кроме того, Шекспир использует приём трагической иронии — зритель знает исход с самого начала (пролог). Это превращает каждый светлый эпизод в предвестие катастрофы [8, с. 125]. Когда Ромео и Джульетта впервые встречаются на балу, их диалог строится в форме сонета — идеальной поэтической формы, что подчёркивает гармонию их чувств. Но этот же сонет в контексте пролога напоминает о неизбежной гибели.

3. Культурная трансформация: от трагедии к символу.

Статус символа «Ромео и Джульетта» обрела не сразу. В XVII–XVIII веках пьесу переделывали, добавляли счастливые концы, а критики считали её «безнравственной». Однако в XIX веке, с развитием романтизма, история влюблённых стала восприниматься как манифест истинной страсти. Именно тогда появились опера Шарля Гуно (1867), симфоническая увертюра Чайковского (1869) и, позднее, балет Сергея Прокофьева (1935), которые закрепили за сюжетом статус «музыкальной иконы» любви [10, с. 46].

Кино сделало эту историю поистине глобальной. Экранизация Франко Дзеффирелли (1968) предложила визуальный эталон романтической Вероны, а фильм База Лурмана (1996) — «Ромео + Джульетта» — доказал, что шекспировский текст может органично звучать в мире пистолетов, неоновых вывесок и MTV [11, с. 212]. Каждая новая адаптация подчёркивает какой-то один аспект пьесы: у Дзеффирелли — нежность и трагизм юности, у Лурмана — насилие и клиповый ритм современного города.

В литературе последних десятилетий активно развивается жанр ретеллинга, где история пересказывается с точки зрения второстепенных персонажей или переносится в новую культурную среду. Как отмечает М.Р. Ненарокова, цитаты из шекспировской пьесы в заголовках глав современных романов выполняют структурообразующую функцию, создавая диалог между текстом-источником и новой интерпретацией [12, с. 112–113].

4. Почему именно эта пьеса стала символом любви?

Ответ на этот вопрос связан с тремя факторами.

1. Универсальность конфликта. История о двух влюблённых, разлучённых внешними обстоятельствами, повторяется в разных культурах на протяжении тысячелетий. Шекспир дал этой вечной коллизии совершенную драматургическую форму [1, с. 285].

2. **Отсутствие морализаторства.** В отличие от своих предшественников, Шекспир не осуждает героев. Их любовь показана как высшая ценность, а гибель — как результат жестокости мира взрослых [3, с. 27]. Это позволяет каждому новому поколению идентифицировать себя с юными бунтарями.

3. **Открытость для интерпретаций.** В пьесе остаются «белые пятна»: не объяснены причины вражды семей, возраст героев только обозначен (Джульетте «нет ещё четырнадцати»), мотивы поступков не всегда рациональны. Эта недоговорённость позволяет режиссёрам, писателям и зрителям наполнять историю новыми смыслами — от гендерной проблематики до социального протеста [13, с. 203–204].

Заключение. «Ромео и Джульетта» стала символом любви не потому, что Шекспир изобрёл этот сюжет, а потому, что он придал ему совершенную художественную форму, лишённую дидактики и наполненную психологической глубиной. С течением времени пьеса вышла за рамки литературы и превратилась в культурный код, который каждая эпоха расшифровывает по-своему. Сегодня, когда мы произносим «Ромео и Джульетта», мы говорим не столько о веронских влюблённых, сколько о самой возможности любви, способной противостоять ненависти — даже ценой жизни.

Список использованной литературы

1. *Bullough G.* Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare. — Vol. I. — London: Routledge, 1957. — 542 p.
2. *Brooke A.* The Tragicall Historye of Romeus and Juliet // Bullough G. Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare. — Vol. I. — London: Routledge, 1957. — P. 284–363.
3. *Andrews J. F.* (Ed.) Romeo and Juliet: Critical Essays. — London: Routledge, 1993. — 442 p.
4. *Shakespeare W.* Romeo and Juliet / Ed. by J. E. Andrews. — London: Everyman, 1993. — 280 p.
5. *Shakespeare W.* The Complete Works / Ed. by S. Wells, G. Taylor. — Oxford: Clarendon Press, 1986. — 1456 p.
6. *Шекспир У.* Ромео и Джульетта // Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. — Т. 3. — М.: Искусство, 1958. — С. 37–111.
7. *Levenson J. L.* (Ed.) The Oxford Shakespeare: Romeo and Juliet. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 480 p.
8. *Harbage A.* Shakespeare's Audience. — New York: Columbia University Press, 1941. — 201 p.

9. *Harbage A.* Shakespeare and the Rival Traditions. — New York: Macmillan, 1952. — 398 p.
10. *Луценко Е. М.* Трагедия У. Шекспира «Ромео и Джульетта» в английской и русской рецепции: поэтика адаптаций и переводов: дис. ... д-ра филол. наук. — М.: ИМЛИ РАН, 2025. — 398 с.